

По-семейному

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. Том 5. М.: Худ. литература, 1972. С. 184 -- 189.

Было это... право, теперь мне кажется порой, что это было триста лет тому назад: так много событий, лиц, городов, удач, неудач, радостей и горя легло между нынешним и тогдашним временем. Я жил тогда в Киеве, в самом начале Подола, под Александровской горкой, в номерах "Днепровская гавань", содержимых бывшим пароходным поваром, уволенным за пьянство, и его женою Анной Петровной -- сущей гиеной по коварству, жадности и злобе.

Нас, постоянных жильцов, было шестеро, все -- люди одинокие. В первом номере обитал самый старинный постоялец. Когда-то он был купцом, имел ортопедический и корсетный магазин, потом втянулся в карточную игру и проиграл все свое предприятие; служил одно время приказчиком, но страсть к игре совершенно выбила его из колеи. Теперь он жил бог знает каким нелепым и кошмарным образом. Днем спал, а поздно вечером уходил в какие-то тайные игорные притончики, которых множество на берегу Днепра, около большого речного порта. Был он -- как все игроки не по расчету, а по страсти -- широким, вежливым и фатальным человеком.

В номере третьем жил инженер Бутковский. Если верить ему, то он окончил лесной, горный, путейский и технологический институты, не считая заграничной высшей школы. И правда, в смысле всевозможных знаний он был похож на фаршированную колбасу или на чемодан, куда, собираясь в путь, напихали всякого тряпья сверх меры, придавили верхнюю крышку животом и с трудом заперли чемодан на ключ, но если откроешь, то все лезет наружу. Он свободно и даже без просьбы говорил о логике, об авиации, ботанике, статистике, дендрологии, политике, об ископаемых бронзовых, астрономии, фортификации, септаккордах и доминантах, о птицеводстве, огородничестве, облесении оврагов и городской канализации. Он запивал раз в месяц на три дня, когда говорил исключительно по-французски и по-французски же писал в это время коротенькие записочки о деньгах своим бывшим коллегам -- инженерам. Потом дней пять он отлеживался под синим английским клетчатым пледом и потел. Больше он ничего не делал, если не считать писем в редакцию, которые он писал всюду и по всяким поводам: по случаю осушения болот Полесья, открытия новой звезды, артезианских колодезей и т. д. Если у него бывали деньги, он их рассовывал в разные книги, стоявшие у него на этажерке, и потом находил их, как сюрпризы. И, помню, часто он говорил (он картавил):

-- Дуг мой. Возьмите, прошу вас, с полки Элизе Геклю, том четвертый. Там между двухсотой и трехсотой страницами должны быть пять гублей, котогыя я вам должен.

Собою же он был совсем лыс, с белой бородой и седыми бакенбардами веером.

В восьмом номере жил я. В седьмом -- студент с толстым безусым лицом, заика и паинька (теперь он *прокурор с большой известностью*). В шестом -- немец Карл, шоссейный техник, жирный остзеец, трясущийся пивопийца. А пятый номер нанимала проститутка Зоя, которую хозяйка уважала больше, чем нас всех остальных, вместе взятых. Во-первых, она платила за номер дороже, чем мы, во-вторых, -- платила всегда вперед, а в-третьих, -- от нее не было никакого шума, так как к себе она водила -- и то лишь изредка -- только гостей солидных, пожилых и тихих, а больше ночевала на стороне, в чужих гостиницах,

Надо сказать, что все мы были и знакомы и как будто бы незнакомы. Одолжались друг у друга заваркой чая, иголкой, ниткой, кипятком, газетой, чернилами, конвертами и бумагой.

Всех номеров было в нашем прибежище девять. Остальные три занимались на ночь или на время случайными парочками. Мы не сердились. Мы ко всему привыкли.

Наступила быстрая южная весна. Прошел лед по Днепру: река разлилась так мощно, что до самого горизонта затопила левый, низменный черниговский берег. Стояли теплые темные ночи, и перепалили короткие, но обильные дожди. Вчера деревья едва зеленовато серели от почек, а наутро проснулся -- и видишь, как они вдруг заблестели нежными, яркими первыми листиками.

Тут подошла и пасха с ее прекрасной, радостной, великой ночью. Мне некуда было пойти разговеться, и я просто в одиночестве бродил по городу, заходил в церкви, смотрел на крестные ходы, иллюминацию, слушал звон и пение, любовался милыми детскими и женскими лицами, освещенными снизу теплыми огнями свечек. Была у меня в душе какая-то упоительная грусть -- сладкая, легкая и тихая, точно я жалел без боли об утраченной чистоте и ясности моего детства.